

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятни- ков тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюр- кизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятни- ков тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохта- мыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоко- ведения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

А. М. Щербак

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

И. Платон Михайлович Мелиоранский прожил небольшую жизнь и был связан главным образом с Петербургским университетом, в котором он учился, а затем работал до конца своих дней. Его научная биография весьма прозрачна. Она не содержит каких-либо необычных фактов, являясь в известной мере типической для начинающего ученого. Нетипично в ней, пожалуй, лишь то, что за небольшой промежуток времени, всего 13 лет, П. М. Мелиоранский успел сделать очень много и по праву занял видное место в истории отечественной тюркологии¹.

В силу ряда обстоятельств, о которых довольно подробно писал близкий товарищ П. М. Мелиоранского по университету В. В. Бартольд², его внимание было сосредоточено преимущественно на изучении памятников письменности. В этой обширной и в то же время малоработанной области тюркологии П. М. Мелиоранский ставил перед собой три задачи: 1) издание древнетюркских, староузбекских («чагатайских»), старотурецких («староосманских») и других текстов; 2) исследование языка письменных памятников; 3) уточнение методов и приемов филологического и историко-лингвистического исследования. Указанные задачи решались на протяжении всей творческой жизни П. М. Мелиоранского. Каждая из них требовала особой подготовки и приложения особых усилий, и результаты не были одинаковыми, однако почти все, что было достигнуто им, представляет значительный вклад в тюркологию и сохраняет научную ценность вплоть до настоящего времени.

---

¹ См.: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского,— ЗВОРАО, 1907, XVIII, стр. 01.

² В. Бартольд, П. М. Мелиоранский (Некролог).— ТВ, 1906, № 81.

О П. М. Мелиоранском принято говорить как о первом русском тюркологе-лингвисте, «для которого язык сам по себе являлся не средством, а целью изучения». Не отрицая справедливости подобных высказываний, следовало бы вместе с тем отметить, что П. М. Мелиоранский широко пользовался языком и как средством для изучения литературы и истории тюркских народов. В этом отношении примечательны, например, его статья «Сказание об Едигее и Токтамыше»³ и статья о «Сельджук-наме»⁴, в которой излагается содержание изданной в 1891 г. М. Т. Хаутсма части этого сочинения, охватывающей историю малоазиатских Сельджукидов с 1192 по 1225 г. Можно упомянуть также статью «О Кудатку Билике Чингиз хана»⁵ — разбор текста, написанного на персидском языке и состоящего из двух основных частей: образцов писем султанов, перечня обращений и формул, выражающих почтение, и краткого описания должностей в государстве джалаириров, с образцами указов, которыми чиновники назначались на эти должности султанами.

II. Появлению первых работ П. М. Мелиоранского, посвященных изучению памятников тюркской письменности, предшествовала заграничная командировка в 1893 г., через два года после окончания университета, в Лондон, Париж и другие города Западной Европы, где он знакомился с собраниями восточных рукописей. После возвращения в Петербург П. М. Мелиоранский публикует в 1895 г. отрывки из дивана старотурецкого поэта XIV в. Бурхан ад-дина Сивасского⁶, сопровождая их описанием лондонской рукописи, сведениями о составителе дивана и самом сборнике и комментариями. В последних следует выделить замечания о туюге, сделанные с привлечением дополнительных материалов, главным образом из сочинений Навā'й. Обнаружение в туюгах «восточно-тюркских» языковых особенностей рассматривается П. М. Мелиоранским как свидетельство среднеазиатского происхождения данной поэтической формы. Впоследствии эта тема получила более глубокую разработку в трудах одного из его учеников — А. Н. Самойловича. Непосредственным итогом

³ П. М. Мелиоранский, Сказание об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, СПб., 1905 (ЗРГО по отд. этногр., прил. к т. XXIX).

⁴ П. М. Мелиоранский, Сельджук-наме, как источник для истории Византии в XII и XIII веках, — ВВ, 1894, I, стр. 613—640.

⁵ П. М. Мелиоранский, О Кудатку Билике Чингиз хана, — ЗВРАО, 1901, XIII, стр. 015—023.

⁶ П. М. Мелиоранский, Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан-ед-Дина Сивасского, — «Восточные заметки. Сборник факультета Восточных языков», СПб., 1895, стр. 131—152.

заграничной командировки явилось также издание большого отрывка из лондонского списка «Кысас ал-анбия» Рубгузи («Сказание о пророке Салихе») с подробным описанием рукописи, в сопоставлении с тремя петербургскими списками, указанием расхождений и переводом⁷.

Почти одновременно со «Сказанием о пророке Салихе» издается четвертый том «Сборника трудов Орхонской экспедиции», в котором П. М. Мелиоранскому принадлежит русский перевод памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана⁸, сделанный с немецкого перевода В. В. Радлова⁹, и несколько примечаний.

В 1898 г. были изданы в качестве пособия для студентов отрывки из сочинения Абулгази *شجره ترک*¹⁰ и 1 большая статья о памятниках рунической письменности¹¹, с подробным изложением содержащихся в них исторических, географических и этнографических сведений о странах и народах Средней и Центральной Азии в VII—VIII вв.

Дешифровка в конце 1893 г. рунического алфавита тюрков В. Томсеном и появление первых опытов чтения орхонских и енисейских надписей стали событием огромной важности, вызвавшим большой интерес к изучению тюркских древностей. Естественно, что орхонские и енисейские надписи привлекли внимание и П. М. Мелиоранского. Вслед за статьей в «Журнале Министерства народного просвещения» появляется его статья с разбором нескольких строк и предварительным переводом рунической надписи из Семиречья¹². Интересно, что, рассматривая особенности рунических знаков в семиреченской надписи, П. М. Мелиоранский отметил их большую близость «к енисейским, чем к собственно орхонским». Подобный взгляд нашел отражение в одной из новейших гипотез о путях распространения рунического алфавита, устанавливающей

⁷ П. М. Мелиоранский, Сказание о пророке Салихе (Из Кысасуль-Энбия Рубгузи),—«المظفرية». Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 279—308.

⁸ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», IV).

⁹ По изданию: «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», Neue Folge, стр. 130—157.

¹⁰ Отрывки из сочинения Абу-ль-гази *شجره ترک*. Перепечатано из издания барона Демезона под наблюдением П. М. Мелиоранского. Пособие для студентов Факультета Восточных языков, Казань, 1898.

¹¹ П. М. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями,— ЖМНП, 1898, ч. XXXVII, июнь, отд. 2, стр. 263—292.

¹² П. М. Мелиоранский, По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде,— ЗВОРАО, 1899, XI, стр. 271—272.

следующую последовательность развития рунической письменности: 1. Талас, 2. Енисей, 3. Орхон¹³.

Самая крупная среди публикаций рунического цикла — статья «Памятник в честь Кюль-Тегина» (текст и перевод, обширные текстологические, лингвистические, исторические и географические комментарии)¹⁴, к которой примыкают рецензия на работу Г. Вамбери и две небольшие статьи о надписях на серебряных сосудах (описание сосудов, история находки, чтение и перевод)¹⁵.

Большое место в научной деятельности П. М. Мелиоранского занимало изучение древних арабско-турецких глоссариев и грамматик. «Араб филолог о турецком языке»¹⁶ и «Араб филолог о монгольском языке»¹⁷ могут служить образцами филологического исследования и для нынешнего поколения тюркологов.

В 1902 г. была опубликована рецензия на книгу Г. Вамбери по старотурецкому языку (исследование и текст)¹⁸.

На протяжении многих лет П. М. Мелиоранский изучал староузбекский («чагатайский») язык, особенно интенсивно в последние годы жизни, и вел преподавание его в университете¹⁹. Интерес к староузбекскому языку был одной из причин поездки в 1904 г. в Вену, где его внимание было обраще-

¹³ A. von Gabain, *Alt-türkisches Schrifttum*, — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», phil.-hist. Kl., Berlin, 1950, Jg. 1948, III, стр. 12. См. также: П. М. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках, стр. 278.

¹⁴ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина. I. Введение. II. Транскрипция и перевод. III. Примечания (с двумя таблицами надписей), — ЗВОРАО, 1899, XII, стр. 1—144. В конце четвертого выпуска имеется «Указатель орхоно-турецких слов и форм, разобранных в статье „Памятник в честь Кюль-Тегина“», стр. 0171—0174.

¹⁵ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry, *Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens*. MSFOu, XII. Helsingfors, 1899, — ЗВОРАО, 1900, XII, стр. 0146—0162; № 275; его же, Два серебряных сосуда с енисейскими надписями, — ЗВОРАО, 1902, XIV, стр. 017—022; его же, Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея, — ЗВОРАО, 1904, XV, стр. 034—036.

¹⁶ Араб филолог о турецком языке. Арабский текст издал и снабдил переводом и введением П. М. Мелиоранский, СПб., 1900.

¹⁷ Араб филолог о монгольском языке. Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями, комментарием П. М. Мелиоранский, — ЗВОРАО, 1904, XV, стр. 75—172.

¹⁸ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry, *Alt-Osmanische Sprachstudien mit einem azerbaïjanischen Texte als Appendix*. Leiden, 1901, — ЗВОРАО, 1902, XIV, стр. 0136—0138.

¹⁹ См.: П. М. Мелиоранский, Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха, — ЗВОРАО, 1906, XVI, стр. 01—012. В архиве П. М. Мелиоранского были обнаружены лекции по сравнительной грамматике «чагатайского» и «киргизского» языков. См. Краткую опись бумаг, оставшихся после П. М. Мелиоранского, в статье: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 020—024.

но преимущественно на рукопись сочинения Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме». За время пребывания в Вене удалось сверить с оригиналом большую часть текста, опубликованного Г. Вамбери (60 глав, 343 стр.). Вместе со сфотографированной впоследствии другой частью она легла в основу нового издания «Шейбани-наме», которое было осуществлено уже после смерти П. М. Мелиоранского А. Н. Самойловичем, написавшим предисловие и подготовившим описание рукописи, а также указатели географических названий, этнонимов, собственных имен и т. д.²⁰

II, 1. Как указывалось выше, важнейшей задачей для П. М. Мелиоранского на протяжении всей его жизни было издание древних текстов.

Изданию памятников тюркской письменности П. М. Мелиоранский придавал большое значение в связи с необходимостью собирания материалов для сравнительной грамматики. «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого языка (*resp.* тюркских языков.— А. Щ.) со всеми его многочисленными разветвлениями,— пишет он в предисловии к одной из своих работ,— есть несомненно одна из основных задач туркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями, проследить, насколько это возможно, всю двенадцативековую историю турецкого языка вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь и объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком языке фонетические явления, формы и синтаксические конструкции»²¹ и в другом месте: «...древнейшие произведения турецкой письменности по большей части даже еще не изданы критически, не говоря уже об отсутствии к ним специальных глоссариев, конкорданций и т. п. Само собой разумеется, что и сравнительная историческая грамматика турецкого языка (*resp.* тюркских языков.— А. Щ.) никем еще не могла быть написана»²². Наряду с собиранием материалов для сравнительной грамматики преследовались и другие цели: сбор этнографических и исторических сведений, обеспечение надлежащими пособиями студентов и т. д. Именно поэтому издания памятников довольно разнообразны и по объему, и по композиции, и по содержанию: комментариев. Одни из них заключают в себе полные тексты, другие — фрагменты, с переводами или без переводов, третьи — только

²⁰ Мухаммед Салих, Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием прив.-доц. А. Н. Самойловича, СПб., 1908.

²¹ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. I.

²² П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 143.

переводы. Комментарии к одним памятникам имеют в основном историко-этнографическую направленность, в комментариях к другим явно преобладает лингвистическая тематика. Общее число работ, представляющих собой в той или иной форме публикации памятников,— одиннадцать, из них пять — публикации древнетюркских текстов, четыре — староузбекских; одна посвящена старотурецкому тексту и одна — сочинению Ибн Муханны.

II, 2. Что касается другой задачи, поставленной П. М. Мелиоранским, — исследования языка письменных памятников, — то о конкретных способах и путях решения ее и полученных результатах мы можем судить по содержанию главным образом таких работ, как «Памятник в честь Кюль-Тегина» и «Араб филолог о турецком языке».

П. М. Мелиоранский не был первым издателем «Памятника в честь Кюль-Тегина», но, внося поправки в чтение и перевод отдельных мест и предлагая новое толкование многих слов, оборотов и грамматических форм, очень высоко оценивал заслуги тех, кто проложил первые пути, кто своим упорством и титаническим трудом вспахивал целину тюркских древностей. «Если я по временам не соглашаюсь с моими предшественниками, — подчеркивает П. М. Мелиоранский, — то это, конечно, не умаляет моего уважения к их трудам; если даже местами я считаю себя более правым, то я все-таки не забываю, что всякий берущийся за то же дело после другого находит некоторые (а иногда и многие) трудности уже преодоленными, а потому его работа легче»²³. К сожалению, мы в отличие от П. М. Мелиоранского нередко забываем об этом и оцениваем научное наследие наших выдающихся предшественников — О. Бётлингга, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, исходя из современного состояния тюркологии.

Текст и перевод «Памятника в честь Кюль-Тегина» предваряется большим «Введением», в котором подробно изложена история открытия и изучения рунических надписей, дано краткое описание орхонских стел и приведены исторические и этнографические сведения о народе «тугю». Часть «Введения» (стр. 15—21) — перевод работы В. Томсена «Inscriptions de l'Orkhon» (стр. 10—44) и примечания П. М. Мелиоранского к переводу В. Томсена.

В примечаниях к переводу В. Томсена и в комментариях к изданию сделаны интересные наблюдения по фонетике в связи с графикой, морфологией и лексикой.

Вполне представляя трудности фонетической, или, как

²³ Там же, стр. 59.

мы сказали бы теперь, фонологической интерпретации рунического текста, П. М. Мелиоранский тем не менее отстаивает ее необходимость и целесообразность. Он предлагает, например, разграничивать слова, пишущиеся с **ᚱ**, или то с **ᚱ**, то без **ᚱ**, со «словами, в которых *ā* обозначается только согласными второго разряда», полагая, что в этом случае вероятнее *e*²⁴. Такой подход больше соответствует фактическому положению вещей, чем тот, который игнорирует указанные графические различия. Касаясь вопроса о лабиализации гласных в аффиксах, П. М. Мелиоранский приходит к выводу, что по крайней мере в некоторых из них она, по-видимому, существовала, так как не могли быть случайными начертания вроде **ᚱᚱᚱᚱᚱᚱ** *карлукуб* и **ᚱᚱᚱᚱᚱᚱ** *кунчујуб*²⁵. В настоящее время эта точка зрения получает дополнительное подтверждение благодаря находке текстов с регулярным обозначением огубленных гласных в непервых слогах (см. надпись из Кежээлиг-Хову). Заслуживает внимания тюркологов, занимающихся исторической диалектологией, высказывание П. М. Мелиоранского о том, что руна **ᚱ** в некоторых случаях наверняка, в других весьма вероятно обозначала *ш*²⁶.

В вопросе о происхождении рунического алфавита П. М. Мелиоранский разделяет мнение В. Томсена и О. Доннера об арамейском источнике и рассматривает гипотезу Н. Аристова о тамговом происхождении рун как ошибочную. Вместе с тем он допускает возможность образования из тамг отдельных знаков²⁷.

Комментируя морфологические особенности языка «Памятника в честь Кюль-Тегина», П. М. Мелиоранский отмечает наличие двух форм винительного падежа: на *-ᚱ~ᚱ* — у существительных, на *-ні~ні* — у местоимений, и высказывает предположение, что аффикс *-ні~ні* был позднее перенесен в парадигму существительных по аналогии²⁸.

Сближая глагольную форму на *-сіра* (*кабансіра* — 'лишаться кагана') с прилагательными на *-сіз* (*кабансіз* — 'лишенный кагана, без кагана'), он заявляет, что, «возможно, *-сіра* возникло из *-сіз-ра* или что *р* здесь просто образовался из *з*»²⁹. Напомним, что, по мнению В. Банга и К. Г. Менгеса, *кабан-*

²⁴ Там же, стр. 22—24.

²⁵ Там же, стр. 52, 53. См. также: P. Melioranskij, [реу. на:] V. Grønbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København. 1902,— GGA, 1904, № 6, стр. 496.

²⁶ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 53.

²⁷ Там же, стр. 46, 47. См. также: П. М. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, стр. 279.

²⁸ Там же, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 37.

сїра — глагольное образование на *-ра* от глагольной же основы *кабансї*³⁰. В тюркских языках действительно встречаются глаголы на *-сї~ -сї*, но, как известно, значение глагольной привативности они не выражают, ср. каракалп. *їңір-сї* 'тихо стонать', уйг. *адамсї* 'делать подобно человеку', кирг. *кѳбурсу* 'принимать вид пены', др.-тюрк. *кулсїб* 'как раб', 'похожий на раба' (*-сїб~ -сї+б*). Попытка П. М. Мелиоранского связать *р* с *з* и таким образом дать внутритюркское объяснение ротацизма ($p < z$), попытка, которую вскоре после этого повторили Э. Н. Сетяля (в 1902 г.) и З. Гомбоц (в 1912 г.), является крупным достижением дореволюционной отечественной тюркологии, не получившим, к сожалению, должной оценки ни в прошлом, ни в настоящее время.

Много полезного тюркологи могут извлечь из раздела, посвященного форме на *-сар*, определяемой в работе как условное деепричастие³¹, из разделов о форме *йринч*³², о деепричастии на *-матїн*³³.

П. М. Мелиоранский строго разграничивает аффикс *-лїб~ -лїг* (для прилагательных) и аффикс *-лїк~ -лїк* (для существительных) и выражает свое согласие с выделением как самостоятельного морфологического показателя аффикса *-лї~ -лї*, используемого при выражении «парных» понятий, ср.: *тўнлї кўнлї* 'ночь и день', *инилї ачїлї* 'младшие и старшие братья'³⁴.

Любопытны замечания П. М. Мелиоранского по поводу так называемых синкретических (глагольно-именных) корней и о том, что в древности «разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецком языке (*resp.* в тюркских языках. — А. Ш.), как теперь»³⁵.

В комментариях к тексту и переводу «Памятника в честь Кюль-Тегина» впервые обращено внимание тюркологов на довольно обычные для языка «Бабур-наме» сочетания глагольных форм страдательного залога с винительным падежом имени³⁶.

Давая свое толкование сочетанию *куладмїш бодун* ('народ, давший себя поработить'), П. М. Мелиоранский указывает, что, «хотя примеры на пассивное значение форм побу-

³⁰ К. Н. Menges, *The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies*, Wiesbaden, 1968, стр. 96.

³¹ П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 84, 85.

³² Там же, стр. 101.

³³ Там же, стр. 91.

³⁴ Там же, стр. 95, 97, 115.

³⁵ Там же, стр. 98.

³⁶ Там же, стр. 102.

дительного залога не так уж редки, все же *кулад-* нельзя рассматривать как побудительную форму от *кула-*³⁷, с чем нельзя не согласиться. К этому можно лишь добавить, что данное образование является скорее всего отыменной глагольной формой на *-ад-* (*кулад-* 'становиться рабами', *куладмиш бодун* 'народ, ставший рабами').

В другой фундаментальной работе — «Араб филолог о турецком языке» — реализована программа-максимум филологической обработки иноязычного трактата об одном из тюркских языков и введения его в перспективу тюркологических исследований³⁸.

П. М. Мелиоранский пользовался тремя оксфордскими списками, берлинским и парижским. В основу же издания положен один из оксфордских списков, наиболее полный и самый ранний, включающий все три части сочинения: персидскую, турецкую и монгольскую³⁹.

Издание труда «Араб филолог о турецком языке» предшествовала длительная и скрупулезная работа по ознакомлению с грамматической теорией арабов, в частности с капитальным трудом Ибн Яиша *شرح مفصل الزمخشري*, что нашло отражение во вводной части⁴⁰.

Основные разделы работы — фонетика в связи с графикой и морфология. Фактическая часть включает в себе описание звуков, фонетических явлений, форм и слов, разбор отрывков из сочинения Ибн Арабшаха, касающихся уйгурской графики⁴¹, исследование же облечено в форму сравнительных и исторических комментариев, ср., например, замечания относительно происхождения турецкого *ол-* 'быть, становиться' из *бол-* (переход сочетания «б+гласный» в сочетание «в+гласный», с последующим выпадением начального *в*, обусловленным большой употребительностью данного глагола)⁴²; о связи формы настоящего-будущего времени типа *بار غسار* 'просящий пойти' с архаической турецкой формой будущего времени на *-сар~сәр, -ісар~ісәр*⁴³; об «интенсивном» или «потентивном» значении дополнительных гласных (исторически — аффиксов) в «распространенных глагольных корнях» турецкого языка⁴⁴; о развитии формы прошедшего категорического

³⁷ Там же, стр. 109.

³⁸ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. II, III и сл.

³⁹ Там же, стр. XII.

⁴⁰ Там же, стр. V, VI.

⁴¹ Там же, стр. XLV и сл.

⁴² Там же, стр. XL.

⁴³ Там же, стр. LVI.

⁴⁴ Там же, стр. LXII—LXIV.

на *-dī~ -di* из «некоего отглагольного имени на *-dī (-mī)*»⁴⁵ и т. д.

В ряде работ П. М. Мелиоранского, включая и только что рассмотренные, имеются небольшие глоссарии и лексикологические заметки, в которых объясняются значения редких слов, терминов, топонимов и этнонимов: *tūşūmāl*, *jam*, *koşluk*, *salık*, *sojurbal*⁴⁶, *tat*⁴⁷ и др.

II, 3. Решение третьей задачи, поставленной П. М. Мелиоранским и заключающейся в уточнении методов и приемов филологического и историко-лингвистического исследования, не было доведено до конца, тем не менее в критическом разборе изданий древнетюркских текстов и других работ, в подходе к анализу особенностей языка памятников совершенно очевидно стремление П. М. Мелиоранского выразить свое отношение к тому, как и в какой мере должны учитываться факты письменных источников, как производить сравнение и на что ориентироваться.

Занимаясь продолжительное время изучением памятников тюркской письменности, П. М. Мелиоранский делает важный вывод о целесообразности использования их как источников для истории языка во всех аспектах⁴⁸. Он выражает свое несогласие с заявлением Г. Вамбери о невозможности исследования звукового строя языка орхонских тюрков VIII в. из-за особенностей рунического алфавита⁴⁹ и неоднократно подчеркивает необходимость фонетических реконструкций при издании арабграфичных текстов. «Мы даже не понимаем, — возмущенно восклицает он в рецензии на одну из работ Г. Вамбери, — зачем и для кого понадобилась транскрипция, буквально передающая латинскими буквами текст, написанный арабскими!»⁵⁰.

Одна из больших заслуг П. М. Мелиоранского перед отечественной тюркологией заключается в том, что он, так же как и О. Бётлингк, своим авторитетом первоклассного тюрколога-лингвиста предохранил ее на многие годы от влияния некоторых отрицательных моментов так называемой алтаи-

⁴⁵ Там же, стр. LXXI.

⁴⁶ П. М. Мелиоранский, Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха, стр. 05 и сл.

⁴⁷ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry. Noten zu den alttürkischen Inschriften, стр. 0154—0158.

⁴⁸ P. Melioranskiĭ, [рец. на:] V. Grønbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie, стр. 495.

⁴⁹ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry, Noten zu den alttürkischen Inschriften, стр. 0146.

⁵⁰ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry. Alt-Osmanische Sprachstudien, стр. 0136.

стической концепции. Знавший лучше других тюркологов монгольские языки и бесспорно лучше других тюркологов и монголистов разбиравшийся в вопросах общей лингвистической теории, П. М. Мелиоранский постоянно выступал с критикой увлечения поисками параллелей, отмечая при этом, что «единичные и разрозненные наблюдения и сближения не будут иметь почти никакой научной ценности, а ориенталисты, увлекающиеся ими, рискуют непременно заслужить упрек в отсталости, — что было позволительно во времена Боппа и ранее, то совершенно невозможно на пороге двадцатого столетия»⁵¹. Так, по поводу сопоставления орхонского *јалма* с монгольским и «чагатайским» *салма* он пишет: «Таким образом, по-видимому, по „алтайской“ фонетике В. Банга начальные *ј, дз, тс, с* (и *ч?*) заменяют друг друга без всякого, с позволения сказать, толка по первому востребованию В. Банга на всем протяжении „алтайских“ языков! А так как вместо начального *а* В. Банг смело ставит *ја* (*албазин=јалбазин*), то трудно себе и представить, как далеко он может пойти со своим „методом“ и как „плодотворны“ будут результаты его изысканий! Какие удивительные превращения может испытать, например, глагол *ал* ‘брать’ (= *јал, дзал, сал, цал, чал* и т. д.)...»⁵².

Выступая против вывода В. Грёнбека о том, что чувашские формы типа *кавак* более древние, чем соответствующие якутские с дифтонгом (ср.: *кудох*) и что их необходимо возводить к двусложным праформам, П. М. Мелиоранский не без оснований поставил очень важный и по существу, и в методическом отношении вопрос. «Не вероятно ли, — спрашивает он, — что как раз у чувашей праязыковые долгие гласные стали дифтонгами и что все вторичные дополнительные звуки развились у них разными способами?»⁵³. Тем самым подвергается сомнению убеждение определенной части тюркологов в том, что чувашский язык в любом случае выступает носителем наиболее архаических черт. Это не значит, что для П. М. Мелиоранского все в чувашском языке являлось относительно поздним. П. М. Мелиоранский был лишь против тенденциозного подхода к чувашскому языку, который выражался в восприятии как архаизмов особенностей, представлявших определенный интерес с алтаистической точки зрения. Он призывает к изучению тюркских языков самих по

⁵¹ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] H. Vambéry, *Noten zu den allttürkischen Inschriften*, стр. 0154.

⁵² П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 122.

⁵³ П. М. Мелиоранский, [рец. на:] V. Grønbech. *Forstudier til tyrkisk Lydhistorie*, стр. 498.

себе, без приведения полученных результатов в соответствие с очень смелыми, но недоказанными гипотезами, и убежденно отстаивает мысль о том, что только в результате глубокого сравнительного исследования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков порознь будет дан окончательный ответ на вопрос о природе обнаруживаемых в них сходств⁵⁴.

III. Подводя итоги деятельности П. М. Мелиоранского в области изучения памятников тюркской письменности, мы можем с уверенностью сказать, что в тюркологии было мало исследователей, так же преданных ей, как он, так же блестяще владевших материалом и приемами анализа его и в такой же мере одаренных способностью пронизательно мыслить. Не случайно сейчас, спустя много лет после смерти П. М. Мелиоранского, его работы продолжают быть настольными книгами советских тюркологов, а его замечательные идеи получают все большее признание и становятся движущей силой в самых углубленных и самых перспективных по-сках.

---

⁵⁴ Там же, стр. 492.